

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 809.442.1

А.В. Байдак

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ
В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

По своему смысловому содержанию категория одушевленности/неодушевленности отражает реальные отношения действительности живой/неживой. Эта оппозиция проявляется как в языке, так и в культуре селькупов. К языковым компонентам, выражающим одушевленность/неодушевленность в селькупском языке, относятся суффиксы местных падежей, лично-притяжательные суффиксы, вопросительные, личные местоимения единственном числе, указательные местоимения, а также сочетаемость имён с одушевленно-маркированными глаголами.

Ключевые слова: селькупский язык; культура; одушевленность; неодушевленность.

В лингвистических источниках решение вопроса о разграничении живых и неживых предметов тесно связано с исследованиями категории одушевленности/неодушевленности. Эта категория по своему смысловому содержанию отражает реальные отношения действительности *живой/неживой*, имеющие важное значение в практической жизни. Однако следует помнить о том, что «...язык, в отличие от объективного отражения, не стремится к логическому совершенству, не ищет четких и тщательно разработанных понятий, он связан с практическими понятиями» [1. С. 61]. Именно этим могут быть обусловлены глубокие различия между понятиями, возникающими в результате объективного отражения и отражения языкового. Деление имен на одушевленные и неодушевленные даже в языках, где эта категория четко выражена, не отражает полностью существующее в науке деление на живое и неживое. Поэтому внимание лингвистов постоянно привлекают случаи несоответствия одушевленности/неодушевленности субстантивов в языке и живого/неживого в природе.

Широкое распространение в лингвистике получила теория, согласно которой категория одушевленности/неодушевленности является протокатегорией для трехродовых систем. Связь значений рода и одушевленности/неодушевленности проявляется в том, что морфологическое и синтаксическое выражение существительного определяется его принадлежностью к мужскому, женскому или среднему роду. Применительно к индоевропейским языкам такую точку зрения обосновывал А. Мейе, считавший, что мужской род и женский род – результат расщепления древнего одушевленного рода, а средний род – отражение древнего неодушевленного рода [2]. В современном селькупском языке категории рода нет. Однако категория одушевленности/неодушевленности фиксировалась исследователями на протяжении XX столетия. В данной статье предпринята попытка установить, как разграничение живого и неживого, существовавшее в сознании селькупов, выражалось в языке, т.е. ответить на вопрос: какие средства выражения одушевленности/неодушевленности имеются в селькупском языке.

В финно-угорском языке-основе категория одушевленности/неодушевленности присутствовала только в сфере вопросительных местоимений, в то время как категория рода отсутствовала даже в сфере личных

местоимений, не говоря уже об именах и глаголах [3. С. 216]. Из современных уральских языков категория одушевленности/неодушевленности признается в целом ряде финно-угорских языков волжской группы: марийском, удмуртском, коми-зырянском, мордовских и др. [4].

Падежные форманты как показатели одушевленности/неодушевленности. Исследователи селькупских диалектов видели реализацию категории одушевленности/неодушевленности в нескольких падежах, где, по их мнению, были разные окончания для одушевленных и неодушевленных предметов. Так, А.П. Дульзон констатирует наличие в селькупском языке дательного падежа с аффиксом *-nik*, возможного только для названий одушевленных предметов и направительного падежа на *-nda*, *-nda*, *-dda*, возможного для любых существительных [5. С. 31]. Г.Н. Прокофьев выделял в тазовском диалекте показатель дательного направительного падежа *-nik*, оформляющий одушевленные предметы, а также суффиксы *-ndi*, *-ti*, оформляющие неодушевленные предметы [6. С. 31]. Аналогично обстоит дело с местно-личным падежом на *-nan*, употребляемым при назывании одушевленного предмета и внутренне-местным падежом на *-kit*, характерным для любых существительных [5. С. 32]. М.А. Кастрен также указывал на то, что образование селькупского местно-временного падежа с помощью суффикса *-nan*, прибавляемого к форме родительного падежа, характерно для существительных, обозначающих одушевленные предметы [7. С. 139].

Следует отметить, что для самодийских языков, родственных селькупскому языку, деление на классы по признаку одушевленности/неодушевленности не типично. Данное обстоятельство позволило А. Йоки сделать вывод о том, что для локальных падежей селькупского языка такого рода деление произошло под влиянием кетского языка, причем в сравнительно недавнее время [8. С. 13]. Как отмечает А.П. Дульзон, исследовавший общие закономерности падежных систем самодийских и енисейских языков, селькупский язык, вследствие длительного контактирования с территориально смежным кетским, оказывается наиболее близким к енисейским языкам по сравнению с другими представителями самодийской группы [5. С. 36].

Однако анализ фактического материала показывает, что в основе распределения формантов в дательном-направительном падеже лежит не принцип одушевленности/неодушевленности предметов, а скорее сфера употребления данного падежа. По мнению Е.А. Хелимского, в тазовском диалекте целесообразнее выделять два дательных падежа, противопоставленные формально и содержательно: дательный с иллативным значением на *-ntj*, основной сферой употребления которого является выражение обстоятельства места, а именно обозначение конечного пункта действия, и дательный падеж с аллативным значением на *-nj*, обозначающий лицо или предмет, на который направлено действие [9. С. 178–179]. Материал по южноселькупским диалектам подтверждает данное положение. Приведем примеры употребления дательного падежа с иллативным значением из разных селькупских диалектов: Вольд. *tab kore-nd šerba* ‘Она в чум вошла’; УО *tebat mat-tj ser-nattj* ‘Они в дом вошли’; *brjewna ponžam čumo-nd* ‘Бревна кладу на мох’; УО. *ütäimjn mittan eto-ndə* ‘К вечеру до деревни добрался’; Нельм. *aredj patpa titə-nd* ‘Месяц зашел в тучу’; НС *könd kwa-nd šerna* ‘Конь во двор зашел’.

Как показывают приведенные примеры, в функции обозначения конечного пункта действия употребляются только неодушевленные имена существительные. Наряду с обозначением конечного пункта действия, показатель датива-иллатива может присоединяться к одушевленным именам существительным в функции адресата действия. Например: таз. *qum-ty mittu* ‘Человеку дай’; Ив. *neñnat qajda tebilyu-nd ežalgwa* ‘Сестра какому-то мужику говорит’; *tabla pajalžiga-nd paržādət* ‘Они крикнули старухе’; Ласк. *tab künne-nd nüžəm mendjd* ‘Она лошади сено дала’; Вольд. *mat kana-n lip čatčeyar* ‘Я собаке кость бросил’.

В тазовском диалекте дательный падеж на *-nj* обозначает адресата действия или предмет, в сторону которого направлено действие. На юге данному форманту соответствует показатель *-ni* (и его фонетические варианты). Примеры употребления дательного падежа с аллативным значением в функции адресата действия: таз. *nätä-nyk təttał qup kətympaty wəcyr mušyryqo* ‘Девушке богач сказал мясо сварить’; УО *tep sijər-ne nüdš mindat* ‘Она корове сена дала’; НС *tununtə qu-nə ketku keregen okjr öžam* ‘Знающему человеку сказать нужно одно слово’. Нап. *täbe qwol membat era-n* ‘Она рыбу дала старику’; Ив. *qwalbe, gula-n kadelbat* ‘Пошла, людям рассказала’. Приведем примеры употребления дательного падежа с аллативным значением в функции предмета или лица, в сторону которого направлено действие: таз. *okoška-nyk pīqyltāšyk* ‘К окошку повернись’; Нельм. *kleβa-n qβannak šekkugu* ‘(Я) в хлев пойду ночевать’; Ив. *kigand qwangu qum-ni, čažlend* ‘Хочешь идти к мужику – иди’; БЯ *ičelanni kuttədakka pün t‘ažikut* ‘В детей кто-то камни кидает’.

Таким образом, проведенный анализ показал, что формантами датива-иллатива и датива-аллатива оформляются как одушевленные, так и неодушевленные существительные, что свидетельствует о стирании

функциональных различий между падежами. Возможно, это произошло вследствие разрушения некогда существовавшей системы, поддерживающей функциональное различие двух дативных формантов. Этим объясняется отказ ученых-уралистов от традиционной трактовки *-nj* как суффикса дательного-направительного падежа для одушевленных существительных, и *-ntj*, как суффикса для неодушевленных существительных. На наличие несоответствий между значением категории одушевленности и выбором показателя дательного падежа в материалах М.А. Кастрена указывал также А. Кюннап [10. С. 96–97]. Отдельные примеры несоблюдения последовательности в употреблении показателей дательного-направительного падежа по признаку одушевленности/неодушевленности обнаруживаются и в материалах Э.Г. Беккер [11. С. 57, 69].

Проанализируем далее ситуацию с дифференциацией местных падежей по признаку одушевленности/неодушевленности. В южных диалектах, вслед за А.П. Дульзоном, Э.Г. Беккер, выделяет два местных падежа – местно-личный на *-nan* (и его фонетические варианты) для одушевленных предметов, и местно-временной падеж на *-qət/-qən* (и фонетические варианты) для неодушевленных предметов [11. С. 98–99]. Анализ фактического материала демонстрирует употребление местного падежа на *-nan* как с одушевленными именами существительными, так и с теми, которые традиционно (с позиции образованных европейцев!) считаются неодушевленными. Это существительные ‘река’, ‘ветер’, ‘камень’, ‘береза’. Приведем примеры из селькупских диалектов: Вольд. *tabjn ad‘ande-nan ħañña eja* ‘У его отца сестра есть’; Нельм. *loya-nnan loyalikala ejadjt* ‘У лисы лисята есть’; ЮШ *mat tīmna-nan šekijand* ‘Я у брата ночевал’; Вольд. *mārgil palde-nnan orupte barg eja* ‘У ветра сила большая есть’; Ив. *goldi-nan eja kigelat* ‘У реки есть притоки’; ЮШ *qβe-n-nan t‘abjt padij ed‘emba* ‘У березы лист-ее желтый стал’; Нельм. *pōlaga-n-nan ħajdi a eja* ‘У камня глаз нет’.

Данные этнографии свидетельствуют о том, что присоединение форманта *-nan* к данным существительным не является случайным: скорее всего такие предметы мыслились селькупцами как живые. Интересные с семантической точки зрения примеры, которые свидетельствуют об оживотворении ветра в представлениях селькупов, были записаны К. Доннером в тымском диалектном ареале: *merqəd kuej* ‘ветра дыхание’ (Atem des Windes) *nūD kuej* ‘бога дыхание’. То есть, ветру, как и любому другому существу, приписывалась способность дышать. В тымском диалектном ареале зафиксирована мифологема *mergij lōz* ‘ветра дух’; его принято задабривать, чтобы была ясная погода [12. С. 77]. Оживотворение ветра отчетливо прослеживается и в древних индоевропейских языках и мифологии. По мнению Гамкрелидзе, Иванова уже в древнеиндоевропейском языке ветер, буря представляются в виде некоторого обожествленного начала, что проявляется в оформлении соответствующей основы суффиксом **nt[h]-*, являющимся маркером имен активного класса. Этимологическая связь греческой лексемы со значением ‘ветер’ с индоевропейской лексемой в значении

‘дышать’, ‘дыхание’ указывает на особое представление о ветре как дыхании божества. Для ведийской мифологии характерно представление о ветре как дыхании бога Варуны; ср. также восточнославянскую поговорку «Ветер – дух божий» [13].

Водная стихия, река в понимании селькупов осмысливается как живая, поскольку она соотносится с кругом понятий активного плана. Персонификация воды находит отражение в селькупской мифологеме *üdiyul lōs* ‘водяного дух’, зафиксированной в южном диалектном ареале. Это сверхъестественное существо способно принимать человекообразный вид; *üdiyul lōs* живет в воде или около воды в балагане, имеет власть над рыбой, иногда его можно увидеть и поговорить с ним [14. С. 298]. Река находится в постоянном движении, непрерывно разрушает берега-яры. Анализ географического термина *qwej* показал, что он используется в языке нарымских селькупов для обозначения любой реки и полностью совпадает по форме со словом ‘дыхание’ или близкими по смыслу словами [15. С. 19], что также свидетельствует об одушевленности реки в картине мира селькупов. Селькупское существительное *āk* ‘устье реки’ имеет первоначальное значение ‘рот’. Подобные метафорические образования, свидетельствующие о сравнении реки с человеком, обнаруживаются и в других языках, родственных селькупскому, ср.: фин. *joensuu, jokisuu* (*suu* ‘рот’, *joki* ‘река’); эст. *joensuu* (*suu* ‘рот’, *jõgi* ‘река’), нем. *Mündung*; дат. *munding*, португ. *dasembocadura*; рум. *gură* и др. [16. С. 88].

Об отношении камня к живой природе свидетельствуют изыскания этнографов. «Живым» камень делают два обстоятельства: во-первых, камень обладает способностью передвигаться (для сравнения, ханты и манси считают живым камень скатившийся с горы, т.е. камень который движется, в то время как неподвижный камень считается неживым, а во-вторых, камень способен родить огонь. Селькупам, как и многим народам, был известен древнейший способ высекания искр из камней путем удара их друг об друга [17. С. 29].

По замечанию Г.И. Пелих, найденные камни селькупы зачастую превращали в объекты почитания, и тогда они становились для селькупов живыми. Об этом свидетельствуют несколько выразительных строчек, которые записала Г.И. Пелих от селькупки А.С. Арнянжиной: «Там» (в Шедельге, где было родовое место и рыбалка Ылыгиных) «камень был поменьше этого стола. Этот камень все звали бабушкой (*лю-немба*). Иногда придешь – его нет. Это он уходит в лес по тропинке к озеру, за 7 км, а потом возвращается. К этому камню наши весили лоскутки, платья. Чужих туда не пускали» [18. С. 35]. К. Доннер писал о том, что в представлениях селькупов камни, обладающие причудливыми формами, являются живыми: «У одного мужчины я видел камень, напоминающий человеческую ступню; он бережно хранил его в качестве оберега от злых духов» [19. С. 101–102]. С наименованием камня связан один из главных персонажей селькупской мифологии *pūnegusse* – основной противник селькупского героя Итте, великан-людоед. В эпическом цикле о селькупских богатырях он предстает ходячим камнем с ногами, руками, ртом и ушами [14. С. 245].

Таким образом, в селькупских диалектах юга выделяются два местных падежа, маркирующие предметы, осознаваемые селькупами как *живые* (одушевленные) и как *неживые* (неодушевленные), следовательно, можно говорить о функции форманта *-nan* служить маркером одушевленности и функции форманта *-qət/-qən* – маркером неодушевленности в селькупских диалектах.

Лично-притяжательные суффиксы как показатели одушевленности/неодушевленности. К лингвистическим компонентам, маркирующим *живые* в сознании селькупов предметы, можно отнести также лично-притяжательные суффиксы. В селькупском языке, как и в некоторых других уральских языках, например в финно-угорских языках волжской группы, формирование представлений об одушевленности/неодушевленности связано с выражением принадлежности, личности/неличности. Сам термин «лично-притяжательные суффиксы» подчеркивает то, что эти элементы обозначают и лицо, и идею принадлежности лицу. Одушевленные имена существительные совпадают с разрядами слов, получающих притяжательные суффиксы или относящихся к притяжательному склонению, которое в финно-угорских языках приобрело выделительное значение [4. С. 152]. В селькупском языке лично-притяжательные суффиксы присоединяются к именам существительным избирательно, а именно к тем существительным, которые соотносятся с *живыми* предметами. Это существительные, обозначающие родственные и близкие к ним отношения, части тела человека или животного, а также предметы, входящие в быт человека. Приведем примеры: Ив. *nañam larimba libatko* ‘Сестра-моя боится темноты’; Лос. *ita azetjse amdak* ‘Сын-его со своим отцом сидят (двое)’; УО *man küdarbile man essem qonžurgund* ‘Я во сне вижу моего отца-моего’; Келл. *mat etel’denap tibñama* ‘Я жду брата-моего’; Нап. *sañim čuža* ‘Глаз-мой болит’; Келл. *küle kanap talžimd satteisit* ‘Ворон собаку за хвост-ее клюнул’; Тюхт. *tolžom panalba* ‘Лыжа-моя сломалась’; УО *irra qanzamdə naqlleñle řapptirle oldan* ‘Старик, трубку-свою выкурив, сказки начал рассказывать’; *man qöyañ qum sūtarnit ondə andumdə* ‘Мой сосед отремонтировал свой дом-свой’; Лос. *man mēgam andum* ‘Я слелал лодку-мою’; СтС *man qožarnau tā addoqqala-mdəntə* ‘Я вижу ваши-многих облачки’.

Группа существительных, обозначающих родственные и близкие к ним отношения, не нуждается в специальном рассмотрении, поскольку в эту группу входят абсолютно одушевленные имена существительные, всегда обозначающие человека. Рассмотрим причины, по которым довольно последовательно две другие группы существительных (части тела человека или животного, и предметы, входящие в быт человека) употребляются с лично-притяжательными суффиксами. Уральцам, как и многим другим народам, видимо, было присуще олицетворение отдельных сторон жизнедеятельности человека: дыхания, крови, частей тела, органов и т.п. Об этом свидетельствует представление о множественности обитающих в одном человеке душ: душа-дыхание, душа-тень, душа-кровь, душа-жизнь,

могильная душа. А.А. Ким выделяет по этнолингвистическим данным для селькупской духовной культуры 9 парциальных душ, составляющих комплекс жизненно необходимых элементов [15. С. 104–121]. Этнографические данные свидетельствуют об отождествлении селькупам своей жизни с кровью: «Кровь (кэм) также имеет отношение к душе человека. Потеря крови грозит смертью. Кровь – это жизнь. Отсюда и кровавые жертвы, и обряд помазания кровью» [20. С. 127]. По данным селькупской мифологии, некоторые органы человеческого тела могут сами являться источником жизни. В сказке *nadek i ulyo* ‘Девушка и лед’, записанной в чумылькупском диалектном ареале, имеется сюжет о том, как из печени возрождается человек: *mīd pajalžigatko ēdēmba* ‘Печень в старушку превратилась’ [14. С. 329]. В чумылькупской сказке про Пору рассказывается о том, как голова живет отдельно от тела, ср.: Вольд. *olod ella, hajed kombilimba, aya čenča* ‘Голова живая, глаза моргают, только не говорит’.

По материалам Г.И. Пелих, источником жизни являлся *wēl'got* ‘плевок’: предки людей – богатыри не имели пупа и размножались тем, что на ночь плевали в чашку, в результате там «заводился» ребенок [18. С. 342]. Сказочная проза селькупов повествует о том, что поверженный враг не оживет лишь в том случае, если будут съедены его главные органы: сердце и печень [14. С. 265]. К. Доннер упоминает древний селькупский обычай съесть отдельные части тела своих умерших детей. Селькупы верили, что так они забирают у умерших определенные качества, в частности, у детей их юный возраст. По этой же причине съедали сердце и головной мозг врагов, проявивших в бою отвагу и смелость [19. С. 74].

Другие самодийские народы также связывали свою жизнь с наличием каких-либо частей организма. Например, к терминологии, связанной с понятием «жизнь», у ненцев относятся дыхание, кровь, ум, сердце. У нганасанов душа, дыхание, глаза, кровь, тень составляют в своей совокупности то необходимое, без чего невозможна жизнь человека. Л. Леви-Брюль, ссылаясь на материалы К. Преусса, отмечает важную роль органов человеческого тела для первобытного мышления: «Сердцу, печени, почке, глазам, жиру, костному мозгу и т.д. приписывается способность оказывать то или иное действие на тех, которые их едят. Отверстия тела, экскременты всякого рода, волосы, обрезки ногтей, детское место, пуповина, кровь и др. жидкие составные части тела, – всему этому приписывается определенное магическое влияние» [21. С. 111, 112]. В языках северо-американских индейцев наименования частей тела, как и наименования лиц, обозначающих родство, всегда употребляются с инкорпорированным или приставленным местоимением, обозначая ‘мою руку, твой глаз, его ногу’ и т.д.

Как отмечалось выше, лично-притяжательные суффиксы маркируют существительные, обозначающие предметы, входящие в быт человека. Существительные данной семантической группы не только были для селькупов тесно связанными с их личностью, как кровь, сердце и другие органы, более того, они могли мыслиться «живыми». Об этом свидетельствует погребальный обряд северных селькупов, описанный

Е.Д. Прокофьевой. Умершему в могилу клали посуду, одежду, трубку и другие вещи, которыми покойник пользовался при жизни. Одного из оленей, везших нарту с гробом, убивали, а нарту ломали и оставляли недалеко от могилы. Все вещи, которые клали в гроб и в могилу, портили: у ножа обламывали острие, у иглолок – ушки, распарывали швы на одежде, обуви и т.д. Делали так, потому что эти вещи связаны с человеком, который умер, т.е. сам является «сломанным», «испорченным», так и вещи, принадлежащие покойному, не могут больше быть «живыми». По мнению Е.Д. Прокофьевой, из них выходит душа [20. С. 125].

Таким образом, вторичной функцией лично-притяжательных суффиксов в селькупском языке является отражение одушевленности/неодушевленности: они сочетаются с классом слов, функционально выступающих в позиции одушевленного имени существительного. Наиболее последовательно лично-притяжательные форманты маркируют три группы существительных: существительные, обозначающие термины родства и свойства; существительные, обозначающие части тела человека или животного, а также существительные, обозначающие предметы, входящие в быт человека.

Вопросительные и личные местоимения как показатели одушевленности/неодушевленности. В прауральский период деление предметов на одушевленные/неодушевленные было характерно только для вопросительных местоимений. Данная категория базировалась на противопоставлении человек/не-человек. Уральский язык-основа, по замечанию К.Е. Майтинской, характеризовался тенденцией «выделять людей из мира предметов» [22. С. 91]. Разделение денотатов на людей и не-людей посредством вопросительных местоимений характерно для большинства языков. По данному типу противопоставляются вопросительные местоимения во всех финно-угорских языках, ср.: фин. *kuka (ken)* ‘кто?’ – *mikä* ‘что?’; эст. *kes* ‘кто?’ – *mis* ‘что?’; удм. *kin* ‘кто?’ – *ma* ‘что?’; венг. *ki* ‘кто?’ – *mi* ‘что?’ и т.д. [23. С. 218].

Современный селькупский язык также фиксирует, хотя и не всегда последовательно, это противопоставление. Значение «человек» представлено местоимением *kudə* ‘кто’ и его производными, в то время как значение «не-человек» представлено местоимением *qaj* ‘что’. При обозначении животных в южных диалектах селькупского языка в ряде случаев наблюдается варьирование местоимений *qaj* ‘что’ и *kudə* ‘кто’.

Во многих языках мира грамматическое разделение денотатов на людей и не-людей осуществляется также посредством личных местоимений. В трехчленной системе личных местоимений, характерной как для самодийских, так и для финно-угорских языков, 1-е и 2-е л., всегда предназначены для обозначения людей, это всегда говорящий и собеседник, т.е. существа, обладающие даром речи. Поскольку личные местоимения 1-го и 2-го л. относятся к непосредственным участникам беседы, эти местоимения не приспособлены для указания на не-людей, следовательно, противопоставление на людей и не-людей можно искать лишь в сфере местоимений третьего лица. Однако для финно-угорских языков такого рода противопоставление не является ярко выражен-

ным: в одних языках при указании на людей используются местоимения, относящиеся только (или главным образом) к людям, как, например, в венгерском, финском, мордовских и др.; а при указании на предметы используются указательные местоимения; в других языках, как, например, в марийском, нет специальных личных местоимений и в их функции выступают указательные местоимения [22. С. 165].

В селькупском языке указание на одушевленность/неодушевленность имплицитно содержится на стыке личных местоимений 3-го л. и указательных местоимений. В личных местоимениях 1-го и 2-го л. ед.ч., реконструированных К. Редее и И. Эрдеи для прауральского периода, присутствует местоименный формант *-n*, ср. **mi-nä~*me-nä* ‘я’, **ti-nä~*te-nä* ‘ты’. Данный формант не характерен для местоимений множественного числа [3. С. 398–399]. По мнению К.Е. Майтинской, данный *n*-й элемент не мог постоянно маркировать именно личные местоимения 1-го и 2-го л., он служил для указания на людей, отграничения их от не-людей, выделения их из мира предметов [22. С. 79, 80].

Очевидно, что личные местоимения 3-го л. сформировались гораздо позже, чем местоимения 1-го и 2-го л., на базе сложившихся ранее указательных местоимений. Этимологическая связь указательных местоимений и личных местоимений 3-го л. прослеживается во многих языках, в том числе и в селькупском, на синхронном срезе: в составе личных местоимений 3-го л. выявляется общий элемент – корень *t*, вероятно, восходящий к уральской указательно-местоименной основе **ty* [24. С. 31]. Несмотря на разновременность и различные пути формирования селькупских личных местоимений первых двух лиц и личных местоимений 3-го л., все они используются применительно к людям. Примеры: Ласк. *tab onžə nīnāyand peyəd qibačep* ‘Она для своей сестры искала парня’; *tabəla qorəp qwatpəndadət* ‘Они медведя убили’; Ив. *tabin nep kederna eja* ‘Ее имя Катерина’; ЮШ *mat čenčak, tepla nagešpatit* ‘Я говорю, они пишут’; УО *man illaj essen matkat* ‘Я живу у отца в доме’. Употребление личных местоимений 3-го л. в отношении не-людей для селькупского языка не характерно; в этом случае имя существительное будет употребляться вместе с указательным местоимением *na* ‘этот, тот’, например: Нельм. *mat onek kbassam βarga pečam, na pečam muzjram, na pečam amnam* ‘Я сама поймала большую щуку, эту щуку сварила, эту щуку съела’.

Таким образом, возможность замены имени существительного на личные местоимение 1-го, 2-го и 3-го л. ед.ч., а также на вопросительное местоимение *kudə* ‘кто’ может означать, что данное существительное является одушевленным и обозначает предмет, осмысливаемый селькупцами как *живой*.

Одушевленно- и неодушевленно-маркированные глаголы как средства выражения одушевленности/неодушевленности. На синтаксическом уровне значение одушевленности/неодушевленности находит выражение в сочетаемости имен существительных с одушевленно- и неодушевленно-маркированными глаголами. Критерий сочетаемости с одушевленно-маркированными глаголами является очень важным, по-

скольку он отражает специфику селькупского языка, в котором, в отличие от многих других языков, глаголы движения практически не сочетаются с существительными, не способными самостоятельно совершать движение. Для селькупского языка исключены сочетания типа русских *пальто идет, часы спешат* или немецких *der Film läuft, die Zeit geht schnell*. Русской фразе *весна пришла* соответствует таз. *ütyty esyysa* (но не *tūsa!*), т.е. «Весна настала (но не пришла!)». Вместо *дождь идет – səra* ‘дойдет’ (от *soryntä* ‘дождь’). В кетском диалекте селькупского языка имеется непереходный глагол *təmgu* ‘пойти снегу’. Аналогично обстоит дело в других уральских языках, ср.: нен. *сарэмзь* от *сарə* ‘дождь’ (*сарəбтырць* ‘дойдять’, о мелком дожде, идущем временами); коми-зырян. *зэрö* ‘дождь идет’ от *зэр* ‘дождь’ и т.д. [9. С. 84, 87, 88]. Для селькупского языка также нехарактерны фразы типа русских *трамвай идет*, поскольку в нем имеются специальные глаголы, соответствующие перемещению в пространстве с помощью строго определенного вида транспорта, например таз. *antarqo* ‘плыть на ветке, челноке’, *qaqlyttuqo* ‘ехать на нартах’ *tötqo* ‘ходить на лыжах’ [9. С. 77].

Кроме существительных, традиционно причисляемых к одушевленным, с одушевленно-маркированными глаголами сочетаются селькупские имена существительные ‘ветер’, ‘река’, ‘дорога’, ‘тропа’, ‘огонь’. Примеры: Ив. *märk kbəniɲbat okjir andop* ‘Ветер унес одну лодку’; таз. *mətypəronty merky na tünty* ‘На крышу дома ветер пришел’; Вольд. *wattə edeute čaža* ‘Дорога по деревне идет’; Ласк. *χarbə tadərəd pöt šünžəut* ‘Тропинка вела через лес’; таз. *muntjək tāntj pom üt qentjjo* ‘Все доски утащила вода’ (Alle Bretter schleppte das Wasser); об.ш. *jt twuɲn азымба, шибокре тадырнат* ‘Вода белая стала, пену несет’; УО. *üt tadjriɲ ulyam* ‘Вода несет лед’; ЮШ *qit tadjriɲ magjip* ‘Река несет палку’; Вольд. *pollaga čagibjil pollagap tü amgut* ‘Сухая палочка горит (букв. Сухую палочку огонь ест)’; Ласк. *mat porjom tü aβešpat* ‘Моя рубашка горит (букв. Мою рубашку огонь ест)’; Нельм. *po tü ambad* ‘Дерево горит (букв. Дерево огонь ест)’; Вольд. *tü nājbatpa* ‘Огонь рассердился’.

Причины, по которым имена существительные ‘река’, ‘ветер’ осмысливались селькупцами как одушевленные, были проанализированы выше. Попробуем понять, почему имена существительные ‘дорога’, ‘тропа’, ‘огонь’ могут маркироваться в языке селькупов как одушевленные. Дорога в понимании селькупов – это место, по которому прошли, оставив след. В фольклорных материалах селькупов таз. *tətyyyl’ wəttu* ‘шаманская дорога’ отличается от дорог простых смертных. Это дорога, по которой душа камлающего шамана поднимается на небо, чтобы узнать будущее или спускается под землю (или на север), чтобы вылечить больного. Тропинка имеет свои мистические свойства. Туземцы Лоанго говорят про покинутую тропу, что она «мертва», «живая» тропинка имеет свои таинственные способности. «Возможно, это для них метафора, как и для нас, но для них она полна смысла» [21. С. 34].

Осмысление огня как живого объекта привело к образованию в селькупском языке сочетаний, объясняющих суть этого явления через свойства, присущие

живым существам, в первую очередь человеку; отсюда *tūt saj* 'искра' имеет буквальное значение 'огня глаз', *tūt apsjit* 'дрова' – 'огня еда'. В выражениях такого рода проявляется принцип антропоцентричности языка: практически во всех языках человек моделирует ориентацию предметов в пространстве по себе, отождествляя предмет с человеческим существом.

В известной селькупской сказке *tūn amba* 'Хозяйка огня' с огнем разговаривают, как с живым существом, в результате существительное *tū* 'огонь' заменяется в тексте личным местоимением 2-го л., что, как было показано выше, возможно только для обозначения живых существ: *mat šinde pohe aβdīmbak* 'Я тебя (огонь) дровами кормлю'. У огня, как и у всякого живого существа, есть лицо (*tab mat βandom peđe pađassit* 'Она мое лицо топором рубила'), есть глаза (*tab mat hajom üsse qamžeyit* 'Она мои глаза водой заливала').

Таким образом, учитывая, что главным признаком одушевленности у селькупов является движение, можно прийти к выводу, что существительные, способные сочетаться с глаголами движения, являются одушевленными.

Итак, к языковым компонентам, выражающим одушевленность/неодушевленность в селькупском языке, относятся суффиксы местных падежей, личнопричастительные суффиксы, вопросительные, личные местоимения ед.ч., указательные местоимения, а также сочетаемость имён с одушевленно-маркированными глаголами. Оппозиция *живой/неживой* проявляется как в языке, так и в культуре селькупов и является сложным явлением, состоящим из комплекса языковых компонентов и культурных факторов. Проблема разграничения живых и неживых предметов может быть решена только на основе междисциплинарного подхода с привлечением данных языка, культуры, фольклорных и мифологических сюжетов.

ПРИМЕЧАНИЯ

БЯ – Белый яр Верхнекетского района Томской области; Вольд. – Вольджа Каргасокского района Томской области; Ив. – Иванкино Колпашевского района Томской области; Келл. – Келлог Туруханского района Красноярского края; Ласк. – Ласкино Парабельского района Томской области; Лос. – Лосиноборское Енисейского района Красноярского края; Нельм. – Нельмач Парабельского района Томской области; НС – Новосондрово Колпашевского района Томской области; СтС – Старосондрово Колпашевского района Томской области; Тюхт. – Тюхтереве Парабельского района Томской области; УО – Усть-Озерное Верхнекетского района Томской области; ЮШ – Юрты Широкова Верхнекетского района Томской области; венг. – венгерский язык; дат. – датский язык; коми-зырян. – коми-зырянский язык; нем. – немецкий язык; нен. – ненецкий язык; об.ш. – говор обских шешкупов; португ. – португальский язык; рум. – румынский язык; таз. – тазовский диалект селькупского языка; удм. – удмуртский язык; фин. – финский язык; эст. – эстонский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сеше А.* Очерк логической структуры предложения. Употребление классов слов в языке и речи // Лингвистика XX века: система и структура языка. М., 2004. Ч. 1. С. 55–74.
2. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
3. *Лыткин В.И., Майтинская К.Е. и др.* Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. 483 с.
4. *Чочеваткина А.П.* Категория одушевленности/неодушевленности в финно-угорских языках волжской группы: Дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 2004. 350 с.
5. *Дульзон А.П.* Общность падежных аффиксов самодийских языков с енисейскими // Вопросы финно-угроведения: Сб. ст. Йошкар-Ола, 1970. Вып. 5. С. 31–36.
6. *Прокофьев Г.Н.* Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика. Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1935. Ч. 1. 131 с.
7. *Castrén M.A.* Grammatik der samojedischen Sprachen. Herausgegeben von A. Schiefner. St.-Petersburg, 1854. 608 s.
8. *Joki A. J.* Über das Element n in der samojedischen Deklination. Sonderdruck aus den Finnisch-Ugrischen Forschungen XXXIX. Helsinki, 1971.
9. *Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкова Е.В.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М., 1980. Т. 1. 408 с.
10. *Kinnar A.* System und Ursprung der Kamassischen Flexionssuffixe. Numeruszeichen und Nominalflexion. Helsinki, 1971.
11. *Беккер Э.Г.* Категория падежа в селькупском языке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 206 с.
12. *Ураев Р.А.* Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 г.) // Труды Томского объединенного историко-архитектурного музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 7. С. 73–85.
13. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Благовещенск, 1998. Ч. II. 420 с.
14. *Тучкова Н.А., Кузнецова А.И., Казакевич О.А. и др.* Мифология селькупов. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 382 с.
15. *Ким А.А.* Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: Изд-во НТЛ, 1997. 219 с.
16. *Дзедзелевский И.А.* Из наблюдений над типологией славянских, финно-угорских, германских, тюркских и других названий гидрорельефа // Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979. Т. 1. С. 88.
17. *Тучкова Н.А.* Представления о камне у селькупов // Этносы Сибири: язык и культура: Сб. ст. Томск, 1997. Ч. I. С. 29–30.
18. *Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.
19. *Donner K.* Bei den Samojedern in Sibirien. Stuttgart: Verlag für Strecker und Schröder, 1926. 199 s.
20. *Прокофьева Е.Д.* Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 106–128.
21. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
22. *Майтинская К.Е.* Функция местоименного суффикса -n в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1962. С. 65–80.
23. *Майтинская К.Е.* Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 306 с.
24. *Ильяшенко И.А., Максимова Н.П.* К вопросу о происхождении личных местоимений в селькупском языке // Этносы Сибири: язык и культура: Сб. ст. Томск, 1997. Ч. I. С. 30–32.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 февраля 2010 г.